

ИСТОРИЯ

УДК 94(47).08

Б.Н. ЧИЧЕРИН И ЕГО КОНСЕРВАТИВНЫЕ ОППОНЕНТЫ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

© 2011 г.

В.А. Китаев, М.В. Медоваров

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

mmedovarov@yandex.ru

Поступила в редакцию 02.12.2010

Рассмотрены концепция политической истории России XIX в. и программа государственного переустройства страны, содержащиеся в книге Б.Н. Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия». Выясняется реакция славянофильской части консервативного лагеря на антибюрократическую и конституционную направленность этого выступления. Анализируются альтернативные предложения А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина.

Ключевые слова: Чичерин, Киреев, Самарин, либерализм, славянофильство, консерватизм, Россия, конец XIX века, начало XX века.

Первое издание книги Б.Н. Чичерина «Россия накануне двадцатого столетия» было осуществлено за границей в 1900 г. На титуле отсутствовало имя автора. Текст был подписан псевдонимом «Русский патриот». Это чичеринское произведение явилось итоговым как в биографическом, так и в тематическом отношении. Оно стало последним программным выступлением автора, скончавшегося в 1904 г. Подведение итогов XIX века для России – его содержательная доминанта, на основе которой формулировалось видение исторической перспективы для страны на предстоящее столетие. Это финальное *dixi* одного из столпов российского либерализма, конечно же, заслуживает специального рассмотрения с учетом восприятия его представителями различных идейных течений в России. В данном случае речь пойдет о реакции на выступление Чичерина со стороны консерваторов А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина. Обратимся к содержанию этого политического завещания.

Значение уходящего в прошлое столетия Чичерин видел в том, что оно стало «поворотной точкой в русской истории»: в России XIX века начался процесс утверждения либеральных начал. Это движение, конечно, нельзя было представить в виде непрерывной восходящей линии. Но оно, по его убеждению, имело бесспорную кульминационную точку – «великие преобразования» 60-х годов. Ими созидался

«новый общественный порядок на почве гражданской свободы», который оказался вполне органичным для страны. У общества были силы для того, чтобы справиться с ними, несмотря на глубину и быстроту преобразований.

Но реформы Александра II, несмотря на их несомненную благотворность, несли в себе один роковой порок. Они были, по словам Чичерина, «слишком долго задержаны». Прямым следствием их запаздывания стало широкое распространение социалистических и материалистических идей. Казалось бы, власть в своей борьбе против этого зла должна была найти опору в «здоровых элементах» общества. Но такому союзу помешало глубокое недоверие к правительству, которое, так же как и радикализм, было порождено в общественной среде гнетом николаевского деспотизма. Недоверие оказалось взаимным. Взвзвываясь за преобразования власть не нашла, как полагал Чичерин, «дружной поддержки». Отсюда – её колебания в «преобразовательных стремлениях», а затем и решение верить реализацию реформ «людям, не внушавшим ни малейшего доверия обществу». Общество в свою очередь оказалось расколотым и не спешило с поддержкой правительству. Помимо радикалов тут были оппозиционеры, стремившиеся к ограничению верховной власти, и те, кто считал себя защитниками преобразований. Но последние, будучи

удалёнными от дел и не доверяя твердости правительства, не могли оказать на него никакого воздействия. Любая попытка поддержать власть, водворявшую в стране начала свободы и права, встречала «порицание и гонение» со стороны либералов (Чичерин напоминал тут о своей собственной участи). Правительство же отказывалось встать на защиту своих союзников.

Ничуть не колеблясь, Чичерин называл виновника этого российского нестроения. Им была самодержавная власть. Заметим, что в 60-е годы маститый русский либерал находился среди тех, кто выступал против её ограничения.

Реформы Александра II не смогли нейтрализовать силы радикализма. Убийство государя показало, насколько серьезной стала угроза со стороны «крайних элементов». Первое марта 1881 г. поставило крест на «всяких либеральных начинаниях». Реакция, начавшаяся ещё до этого рокового события, усилилась, стала стержнем правительственной политики, обратившись «не только против гнилых соков, но и против самых здоровых элементов общества». «Всякая независимая сила, всякая общественная самостоятельность, – писал Чичерин, – считались опасными. Утверждение власти было вверено исключительно старой, оказавшейся никуда не годной и потерявшей всякий авторитет бюрократии» [1, с. 516].

Картина того, что происходило в России в период правления Александра III, была напрочь лишена светлых тонов. Чичерин писал об уничтожении университетской автономии, наступлении бюрократической власти на мировой суд и земские учреждения, в которых усиливался дворянский дух. Для него была неприемлема бюрократическая опека над дворянством («грошовые подачки»). Оставшиеся формально не тронутыми, судебные учреждения теряли, по его мнению, «всякую тень независимости».

Чичерин заявлял о своем принципиальном неприятии экономической политики правительства, поставившего во главу угла поддержку крупной промышленности. Промышленный протекционизм, с его точки зрения, был неуместен в аграрной стране. Покровительства требовало земледелие – дворянское и крестьянское.

Состояние крестьянского вопроса характеризовалось как «полная безурядица». Задача внутреннего устройства крестьянского быта в духе Положения 19 февраля была просто забыта. Крестьянское бесправие, консервация словесности, сохранение общины представляли собой, по мнению Чичерина, причудливую смесь социализма и крепостного права. Лишённое свободы крестьянство не имело шансов на

повышение своего благосостояния. «Если при всяком недороде, – замечал Чичерин, – правительство принуждено кормить население, то последнее, очевидно, находится на краю нищеты» [1, с. 527]. Ещё одной темной стороной царствования Александра III стало религиозное гонение. Этот «естественный спутник реакции» настиг не только «отщепенцев от православия» (штундисты, духоборцы), но и представителей тех вероисповеданий, которые давно имели в России права гражданства. Чичерин указывал на отмену всех прежних льгот и послаблений для евреев, преследование польских униатов. Политика русификации в Остзейском крае была, на его взгляд, абсолютно ошибочна. Курс на окончательное уничтожение самостоятельности Царства Польского и его русификацию, взятый после восстания 1863 г., нисколько не способствовал примирению с поляками.

Не вызывало у Чичерина оптимизма и положение внутри самой России. Сохранение режима усиленной охраны, введённого после убийства Александра III, притеснения даже вполне благонамеренной журналистики вели к одному результату – «преобладанию крайних направлений», хотя, казалось бы, всем уже должно было быть ясно, что именно «благодаря социалистической пропаганде русское общество лишилось плодов великих преобразований Александра II» [1, с. 536].

Плачевным было состояние русского общества. Растеряв «прежние самостоятельные силы», оно «отупело», его умственный и нравственный уровень заметно понизился. «Официальная ложь охватила его со всех сторон. Выражение независимых мнений не допускалось, а лицемерные излияния преданности и любви на старинном языке холопов, желающих подслужиться к барину, неслись к престолу, нисколько не соответствуя истинным чувствам писавших» [1, с. 537].

Положение «наверху» виделось Чичерину в еще более неприглядном свете. «Громадная машина» бюрократии, без которой немыслима неограниченная монархия, демонстрировала при Александре III недостаток серьезного образования и невероятное падение в нравственном отношении.

Перед молодым преемником Александра III, так же как и перед его дедом, стояла, как полагал Чичерин, задача выведения России из полосы реакции. Она казалась более простой в сравнении с тем, что предстояло в свое время сделать Александру II, ибо «величайшие преобразования уже были совершены» и требовалось только «восстановить их в полной силе, сделать их истиной и утвердить на них прочный закон»

ный порядок вещей». Однако уже первые шаги Николая II вызвали у «благоразумных русских людей» горькие разочарования. Алчная же к власти бюрократия, «играя перед юным государем призраком самодержавия», продолжала забирать в свои руки все больше и больше силы и власти. Чичерин фиксировал новый натиск правительства на земство, суды, университеты. Им, без преувеличения, была оплакана потеря Финляндией своей автономии.

Чичерин – диагност состояния России конца XIX века был беспощаден. «Для всякого мыслящего наблюдателя современной русской жизни очевидно, – писал он, – что главное зло, нас разъедающее, заключается в том безграничном произволе, который царствует всюду, и в той сети лжи, которою сверху донизу опутано русское общество. Корень того и другого лежит в бюрократическом управлении, которое, не встречая сдержки, подавляет все независимые силы и, более и более захватывая власть в свои руки, растлевает всю русскую жизнь» [1, с. 567]. Можно и нужно было мириться с бюрократической опекой в эпоху преобразований Александра II как условием «мирного и правильного» развития: «всеобщая ломка могла повести к общему крушению». Но рано или поздно противоречие между бюрократией и обществом должно было разрешиться в пользу одной из этих сил. К несчастью, нигилизм подыграл бюрократии. Она воспользовалась этой угрозой для подавления общественных сил, искажения новых учреждений. Чичерин был убежден, что «возвратиться к нормальному порядку можно только положив предел бюрократическому произволу» [1, с. 568].

Ограничение бюрократии, бывшей орудием неограниченной монархии и одновременно использовавшей её в качестве своего орудия, было невозможно без перехода к монархии ограниченной. Такой шаг, утверждал Чичерин, стал бы логическим завершением преобразований Александра II.

Чичерин отдавал себе отчет в том, какое число противников этого взгляда он встретит в России. Отбрасывая мистические спекуляции в пользу сохранения самодержавия как не заслуживающие серьёзного разговора, он не отказывался от политической аргументации своего главного тезиса. Кому как не ему, историку-государственнику, было ясно «великое историческое значение» самодержавной власти в России. Но она выполнила своё призвание. Неограниченная монархия была пригодна только для младенческих народов. За всеобщей гражданской свободой неизбежно следовала свобода

политическая. К тому же «самодержавная власть русских царей превратилась в игрище личных интересов самого низменного свойства». Требуя от самодержавия самоограничения, Чичерин не мог не задумываться над вопросом, готов ли «расслабленный организм» русского общества к такой перемене. Он ясно видел, что на сегодняшний день в нём нет тех сил и качеств, которые необходимы для установления парламентского правления («политическая опытность, образование, сложившиеся партии»). А потому он «упрощал» задачу, предлагая созвать собрание выборных (по два-три человека от каждого губернского земства) и предоставить ему право обсуждения законов и бюджета. «Конституционное устройство» приняло бы завершённый вид, если бы к этому собранию была добавлена «верховная палата», созданная на основе преобразованного Государственного совета.

Возникнув как совещательное, собрание выборных должно было превратиться в законодательный орган. Чичерин настаивал на неизбежности такой трансформации. Представительство имело смысл только в том случае, если оно было «облечено правами», являлось «вполне независимым органом, с решающим голосом в общественных делах». Только являя собой законодательную власть, оно ограничивает волю монарха. «Пока монарх не привыкнет к мысли, что воля его не всё может, что есть независимый от него закон, с которым он должен соотноситься, напрасно мечтать о каких-либо гарантиях права и об обуздании чиновничьего произвола» [1, с. 571]. Нельзя не заметить, что Чичерин – автор «России накануне двадцатого столетия» более уверенно, чем ранее, намечал парламентскую перспективу. В своем трёхчастном «Курсе государственной науки» (М., 1894–1898) он говорил о желательности всего лишь совещательного представительства с правом выяснять «все народные нужды» и давать свои мнения «по всем важнейшим делам» [2]. Не исключено, что его сдерживали в данном случае условия цензуры.

Обозначая теперь главную политическую цель в виде полноценного парламента, Чичерин в то же самое время признавал, что обретение Россией конституционной зрелости потребует длительного времени. Такая перемена не могла совершиться «в более или менее близком будущем» в силу нескольких причин. Не приходилось надеяться на «великодушные» монархии. Не могли привести к нужному результату и «какие-либо серьёзные революционные движения», так как почва для них благодаря реформам Алек-

сандра II исчезла. В «апатичном и покорном» русском обществе, которое он теперь наблюдал, не было способности к энергичному действию. Полагаться можно было, считал он, только на «медленное развитие общественного сознания», которое и принесет «более ясное понимание вещей и более бескорыстное стремление к общему благу». Поэтому установление политической свободы рассматривалось как задача всего XX столетия.

Этот процесс, правда, мог быть ускорен «внешней катастрофой». Чичерину казалось, что Европа стоит накануне военного столкновения между Россией и Францией, с одной стороны, и Германией во главе Тройственного союза. Если Россия желает выйти победительницей в предстоящей войне, ей не хватит для этого только материальных сил – для этого нужен подъём народного духа. Таково было его убеждение. А высвобождение духовных сил народа было возможно только при условии замены деспотизма неограниченной власти конституционным порядком, основанным на законе. Требовалось, кроме этого, вернуть Финляндии «права, дарованные ей русскими монархами». Но прежде всего следовало «протянуть руку раздавленному славянскому брату и поднять его из унижения, в котором мы его держим». Имелась в виду Польша. Будучи сторонником её политической независимости, Чичерин предпочёл здесь уйти от споров с теми, кто видел будущую Польшу в статусе автономной части Российской империи.

Обновление России после Крымской войны давало Чичерину основание надеяться на то, что сознание «высокого назначения» может прийти «путём правильного исторического развития». А это высокое назначение состояло в том, чтобы выступить «носителем высших человеческих начал», стать во главе славянского мира и «сокрушить гегемонию Германии». Альтернативами такому ходу вещей могло быть появление царя, «одушевленного высоким нравственным чувством», или «государственного человека», подобного Кавуру или Бисмарку. Чичерин не исключал и вариант обретения будущего «ценою потоков крови и гибели многих поколений» [1, с. 573–574].

Как известно, своё первое выступление в бесцензурной печати (это было «Письмо к издателю» в «Голосах из России») Чичерин вместе с Кавелиным подписали: «Русский либерал». «Русский патриот» – значилось теперь в последнем тексте Чичерина, напечатанном за границей. В этой смене маркировок не было каких-либо признаков отказа от либеральной политической программы. Наоборот, его либера-

лизм наконец обрел завершённость в том смысле, что протест против «самодержавия бюрократии» поднялся до уровня конституционных требований. Чичеринское видение XIX века в истории России ничем не отличалось от трактовок этого периода другими русскими либералами. Это хорошо видно при сопоставлении исторических экскурсов Б.Н. Чичерина и К.К. Арсеньева в «Вестнике Европы» [3].

Чтобы понять природу «патриотического» мотива у Чичерина, надо принять во внимание, что он утверждался здесь не как либерал, а как патриот, прежде всего предлагавший единственное, с его точки зрения, средство спасения России от гибели. Кроме того, ему надо было отмежеваться от либерального большинства, которое, с его точки зрения, оставило позиции «разумной умеренности», встав на путь социализации доктрины.

«Россия накануне двадцатого столетия» давала повод воспринимать Б.Н. Чичерина как прямого продолжателя традиций русского западничества XIX века, поэтому вполне ожидаема была критика его книги со стороны поздних славянофилов. Правда, сам Чичерин полагал, что после смерти И.С. Аксакова славянофильство «мелькает, как блуждающие огоньки на могилах, лишённое самостоятельной жизни» [4, с. 206]. С такой оценкой, разумеется, не могли согласиться представители позднего славянофильства: А.А. Киреев, Ф.Д. Самарин, Д.А. Хомяков, С.Ф. Шарапов и другие. Характерно, что их реакция во многом перекликалась с полемикой Б.Н. Чичерина и И.С. Аксакова в декабре 1885-го – январе 1886 г. о том, кто виноват в провалах российской политики: самодержавие как таковое или бюрократия, образовавшая преграду между царём и народом.

Генерал А.А. Киреев был, пожалуй, крупнейшим идеологом позднего славянофильства. Неясно, когда он познакомился с Чичериным: вероятно, в конце 50-х годов XIX века или даже в 40-е годы. В дневнике генерала упоминания о Чичерине редки. Например, в апреле 1862 г. Киреев (тогда ещё занимавший умеренно либеральные позиции) отмечает свои разногласия с Чичериным относительно того, какая система управления предпочтительнее: английская или французская [5, л. 77об]. С конца 70-х гг. XIX века внимание Киреева привлекает позиция Чичерина по вопросам образования. Дело в том, что Киреев был поборником университетской контрреформы, активно поддерживал М.Н. Каткова и Д.А. Толстого в её проведении, в то время как Чичерин выступал в защиту старого университетского Устава. Принятие нового

Устава в 1884 г. было воспринято Киреевым как личная победа, а Чичериным – как трагедия. Неудивительно, что в эти годы генерал высказывался о Чичерине довольно резко, обвиняя его в «болезненной страсти произносить речи» и конституционных популяризаторах. Он также подозревал Чичерина и его сестру (супругу обер-камергера Э.Д. Нарышкина) в придворных интригах против Каткова. Вместе с тем Киреев дал и более взвешенную характеристику мыслителя: «Умный, прекрасного философского направления, но довольно узкий и прескверный голова» [6, л. 131об; 7, л. 171об, 207, 211, 219].

В оценке контрреформ Александра III Киреев и Чичерин выступали антиподами, но усиление бюрократического застоя в первые годы правления Николая II сделало их единомышленниками по многим частным вопросам развития страны. «Россия накануне XX столетия» Б.Н. Чичерина, выдержавшая четыре издания (1900–1903), привлекла внимание Киреева, который в это время пытался повлиять на курс министра внутренних дел В.К. Плеве. Сразу же после манифеста 26 февраля 1903 г., обещавшего некоторые преобразования, Киреев написал свою брошюру «Россия в начале XX столетия», напечатал её с разрешения Плеве в нескольких экземплярах для лиц императорского дома и высших сановников, а в марте 1903 г. представил её лично императору. Киреев сказал Николаю II, что положение России стало более критичным, чем даже в 1612-м или 1812 году, и лишь «возвращение к государственному строю, введённому в жизнь первыми Романовыми», может спасти страну [8, с. 209].

Зная о том, что грозило Б.Н. Чичерину в случае раскрытия его имени как автора «России накануне XX столетия», Киреев не назвал его. Он лишь указал, что это – один из известнейших российских юристов, «человек вдумчивый», пишущий «с несомненным знанием того дела, о котором говорит», и преданный Отечеству. В первых же строках своей брошюры Киреев охарактеризовал чичеринское произведение как состоящее из двух совершенно разных частей: верного диагноза «многочисленных недочётов нашей общественной и государственной жизни» и ложного конституционного пути, предлагаемого им для решения этих проблем. Не принимая призывов Чичерина к конституции, Киреев всё же признавал, что большинству в тот момент действительно было трудно найти иной выход из сложившегося положения [8, с. 210].

Киреев выражал солидарность с чичеринской критикой реформ образования, непомерно высоких налогов, введённых С.Ю. Витте, жёст-

кой цензурной политики (власти не раз отказывали в просьбах Киреева основать новый славянофильский журнал). Цензура не церемонилась уже с И.С. Аксаковым и М.Н. Катковым, указывал генерал, а в 90-е годы XIX века стала ещё более губительной, запрещая самую невинную критику городских и губернаторов, зато разрешая «пошло-эротическую» печать и издание трудов революционных теоретиков (прежде всего К. Маркса). С ложными идеями революционеров и либералов – и эту мысль Киреев последовательно проводил с конца 70-х годов – можно бороться только с помощью независимой печати консервативного толка. «К сожалению, у нас союзников смешивают часто с лакеями!» – сетовал Киреев на действия правительства [8, с. 211–212].

Следующий важнейший пункт, в котором Киреев поддержал Чичерина, касался бюрократии и исчезновения в России типа крепких государственных мужей. Ссылаясь на авторитетные мнения Бисмарка, лорда Нэпира и графа Вогюэ, Киреев приходил к выводу, что русские сановники становятся всё менее культурными и способными. Бюрократия в России не является замкнутой кастой, поэтому понижается и культурный уровень общества в целом: «Надел человек мундир – “бюрократ”, надел халат – барин, помещик... Мы и любим иногда высмеять и даже выбрать администрацию, но сознаем, что ежели бы нас самих, т.е. критикующих, поставили на место критикуемых, мы оказались бы не лучше последних... *Всё дело в условиях их работы* (безответственность бюрократа)» [8, с. 213–214].

Обходя стороной другие проблемы, затронутые в книге Чичерина, например национальный вопрос (хотя Киреев также был сторонником возвращения широкой автономии Польше и Финляндии), основную часть своей брошюры генерал посвятил обсуждению путей слома бюрократического строя. Старый режим обречён, признавал Киреев. В России кипит работа мысли, которая скоро выльется на улицы и застанет многих врасплох. «Мы пришли к распутию, мы накануне кризиса», и времени на выбор пути развития страны почти не осталось, писал Киреев. Но бюрократия не хочет перемен, а с другой стороны адепты конституции – от умеренного Чичерина до крайних республиканцев – ведут Россию к революции. Киреев предлагал иной выход: «Многое у нас следует изменить, отменить, улучшить, но этого можно достигнуть и безо всякой ломки, удерживая и даже *усиливая* наш исконный политический самодержавный строй!» [8, с. 214–215].

Чичерин, по мнению Киреева, соблазнился видимой легкостью конституционалистского решения вопроса о судьбе России. Действительно, абсолютистские бюрократические режимы в Европе и России изжили себя. Но Чичерин, «прекрасный диагност и плохой терапевт», не продумал все последствия предлагаемого им ограничения самодержавия. На первых порах введение конституции может дать положительный эффект, писал Киреев; тем более это покажется удобным для слабых монархов, равнодушных к государственным делам. Но шаг за шагом, год за годом консервативная конституционная монархия переродится в нестабильную парламентскую республику типа Франции (чего не хотел и сам Чичерин). Наибольшую опасность Киреев усматривал в утилитаризме парламентского строя. Когда истина и добро определяются голосованием большинства, а понятие долга уступает место расчету и выгоде, – общество разрушается [8, с. 216–218].

Киреев приводил пример Англии, где в начале XIX в. парламент порою ставил моральные соображения выше политических, а в начале XX в. речь шла уже только о выгоде, и кровавые «герои» колониальных войн Родс и Чемберлен чествовались как патриоты Британии. По мере утраты Западом «христианской нравственности», идеальных государственных мужей типа Гладстона (который был другом Киреева) и Бисмарка сменяют «гешефтахеры» вроде Дизраэли. Но в России идеализм ещё господствует, уверял своих читателей Киреев, о чём свидетельствует народное воодушевление в дни «крестового похода» 1876–1878 гг. «Наш старинный монархический уклад» ещё может уберечь народ от нравственного падения, полагал славянофил [8, с. 219–220].

Выход Киреев видел, в конечном счёте, в возврате к земским соборам второй пол. XVI – конца XVII в., от которых отказался Петр I по причине своей «нетерпеливой поспешности». Вместе с тем петровская система коллегий и контролирующего их деятельность Сената была вполне жизнеспособной. Роковыми событиями, установившими в России бюрократический режим, Киреев считал реформы Александра I. Ссылаясь на опубликованные в 1881 г. письма графа С.Р. Воронцова, Киреев критиковал «министерский деспотизм» как явление, когда министры являются единоличными хозяевами в своих ведомствах, будучи выведенными из-под контроля Сената. При этом Комитет министров существует лишь на бумаге, а доклады монарху представляет каждый министр единолично. В результате император не имеет возможности узнать правду о по-

ложении дел в стране. Киреев далёк от того, чтобы обвинять всех министров во лжи. Но по свойству человеческой природы, указывает он, каждый министр будет сообщать монарху лишь те факты, которые в наибольшей степени оправдывают избранный министром курс и его собственные представления о благе государства. «Консервативные» министры кладут на стол государю лишь сообщения о беспорядках и раскрытии революционных кружков – в итоге ужесточается сверх меры полицейский режим. «Либеральные» министры сообщают лишь о верноподданнических настроениях – и царь велит чрезмерно «ослабить вожжи». Ближе к праздникам министры стараются скрыть неприятные факты, и так далее [8, с. 216, 221–224].

Выход, как уже говорилось, Киреев видел в земских соборах с совещательным голосом. Но пока (весной 1903 г.) он ещё не предлагал немедленно созвать выборных «всяя земли», а лишь провести несколько небольших реформ, которые «дадут нам временное успокоение, необходимое для того, чтобы приготовиться к окончательному выходу из бюрократического строя и к возвращению к нашему древнему, самодержавному строю».

Во-первых, Киреев желал, чтобы при докладе министра императору присутствовали сторонние наблюдатели с правом высказать свое мнение. Во-вторых, он призывал вернуться к начинанию 1881 г., когда планировалось ввести программу действий для каждого министерства, которой они были бы обязаны придерживаться (в условиях постоянных смен курса министерства иностранных дел и министерства народного просвещения это было особенно актуально). В-третьих, Киреев выступил за расширение свободы печати при ужесточении наказаний за злоупотребление гласностью. Для этого он предлагал создать министерство печати [8, с. 220, 224–226].

Все эти преобразования могли быть осуществлены и без изменений в законодательстве, указывал Киреев. То же самое относилось и к четвёртой мере – приглашению «сведущих людей» в Государственный совет. Из такого собрания по образцу Уложенной комиссии Екатерины II или редакционных комиссий Александра II и должен был возникнуть земский собор. Опасения, что созыв собора повлечёт за собой революцию, Киреев решительно отвергал как невежественные: при Иване IV земские соборы лишь укрепляли самодержавие, а теперь у власти достаточно сил и средств, чтобы не допустить нежелательного развития событий. «Земский собор не имеет ничего общего с пар-

ламентом ни по составу, ни по способу созыва, ни по правам, ни по назначению! Парламент стесняет волю самодержца, а земский собор её освещает. Где же то опасное сходство, о котором так часто говорят люди, не понимающие дела!» – восклицал Киреев [8, с. 226–228].

Наконец, мыслитель описывал свой 37-летний опыт продвижения ипотечного устава по различным высоким инстанциям и приходил к выводу: преодолеть бюрократическую волокиту можно не с помощью парламентских запросов, как предлагали либералы, но при условии дарования дворянству, земству, городам и Церкви права подавать челобитные императору [8, с. 228–229]. Таков был пятый пункт предложений Киреева.

В заключение он вновь подчеркивал критичность ситуации: «Если наш бюрократический строй начинает со всех сторон подгнивать и разваливаться, то не в лучшем положении находится и правовой строй Запада... Мы должны избрать тот или другой путь – или опрокинуться в конституцию, в правовой порядок и погибнуть, перестать быть великою, святою Русью, или – “вернуться домой”» [8, с. 230].

«Россия в начале XX столетия», однако, не произвела должного впечатления ни на В.К. Плеве, ни на Николая II. Киреев был вынужден, подобно Чичерину, напечатать свою брошюру за границей, в Праге.

Весной 1904 г., уже после смерти Б.Н. Чичерина и начала русско-японской войны, другой потомственный славянофил – Ф.Д. Самарин – в своей переписке с Киреевым занял особую позицию по отношению к его полемике с Чичериным. Разделяя взгляды Киреева в главном, Самарин не поддержал идеи, высказанные в «России в начале XX столетия». Прежде всего он отмежевался от похвал, которые Киреев произносил в адрес книги Чичерина: «Никак не могу считать серьёзным трудом книгу, исполненную крайне поверхностных, необоснованных суждений... Не знаю, в чём Вы усматриваете объективность Чичерина; всё, что он говорит, наоборот, проникнуто страстью и пристрастием, доводящими его иногда до полного ослепления» [9, с. 232]. Самарин не был безусловным приверженцем контрреформ Александра III, но их беспощадная критика Чичериным наряду с идеализацией реформ 60-х годов вызвали у славянофила отторжение.

Впрочем, в адрес «России накануне двадцатого столетия» Ф.Д. Самарин ограничился частными замечаниями о том, что «реакционные» меры правительства являлись не прихотью, но ответом (быть может, неудачным) на

реальные проблемы. Основную часть своей критики Самарин посвятил предложениям самого Киреева. Самарин считал, что бюрократический строй в России вполне жизнеспособен, что никакой альтернативы ему нет (ибо деятели земства и дворянства ещё менее способны к управлению страной, чем чиновники). А раз в России вместо общества – «людская пыль», то не нужно не только созывать земский собор, но даже обозначать это как отдалённую цель: «Земский собор в настоящее время сыграл бы у нас ту же роль, что Генеральные штаты 1789 года во Франции... Смута, теперь господствующая в нашем обществе, но не имеющая средоточия и явного руководителя, получит тем самым твердую организацию и станет через это бесконечно сильнее и опаснее» [9, с. 234–238, 251–253; 10, с. 32–38, 41–43].

Даже скромные реформы, предложенные Киреевым, осторожному Самарину казались чрезмерными. Считая единственной проблемой России недавно возникшее недоверие между обществом и властью, Самарин предлагал преодолеть его простым увеличением гласности, роли Сената, более частыми поездками экспертов комиссий по России, но в первую очередь – расширением гражданских (не политических) свобод. Так, Самарин предлагал ввести почти неограниченную свободу вероисповедания, слегка ослабить режим чрезвычайного положения (действовавший с 1881 г.), дать чуть больше прав подсудимым. Тогда, по его мнению, общество поймёт, что самодержавие совместимо с личными и гражданскими свободами, и доверие к власти будет восстановлено [9, с. 241–245, 253, 255–258; 10, с. 48–49, 56–58]. Киреев в ответных письмах неоднократно подчеркивал, что бюрократия не даст утвердить даже такие меры и что времени у России не осталось: нужны такие реформы, которые привлекли бы умеренную оппозицию на сторону правительства в борьбе с революцией [9, с. 245–247, 254–255, 259–261; 10, с. 62–63].

Полемика Киреева и Самарина, вызванная изначально книгой Чичерина, актуализировалась политически в 1905 г. Киреев считал, что для Николая II наступило самое время созвать земский собор, не дожидаясь, пока «вольности» будут вырваны у него революцией и русско-японской войной [10, с. 62–63, 71–73]. Ф.Д. Самарин по-прежнему возражал, но другие «потомственные славянофилы» – братья Н.А. и Д.А. Хомяковы – встали на сторону Киреева [10, с. 69–70, 74–79]. В этих условиях Киреев и Самарин решились на очень смелый и необычный шаг – они опубликовали часть своей пере-

писки, касающейся книги Чичерина и споров о земском соборе, в харьковской газете «Мирный труд» А.С. Вязигина [10, с. 11, 72–74]. Эту переписку немедленно перепечатал славянофил С.Ф. Шарапов в «Русском деле», высказав при этом своё возмущение тем, что Киреев, Самарин и Д.А. Хомяков подавали свои записки императору у него за спиной [11].

В дальнейшем дискуссия о характере будущей Думы – законодательном или «соборном», совещательном – выплеснулась и на страницы других газет. Тем не менее все попытки Киреева летом 1905 г. убедить царственную чету созвать под вывеской Государственной думы земский собор, не увенчались успехом. После манифеста 17 октября Ф.Д. Самарин впал в отчаяние и на время отстранился от политической деятельности, в то время как Киреев продолжал борьбу за земский собор вплоть до своей кончины в 1910 г. Перед смертью он написал примечания к своей «России в начале XX столетия», в которых с горечью и в то же время с гордостью указал, что революция 1905–1907 гг. подтвердила его правоту в споре как с Чичериным, так и с Самариным: «Ежели бы вовремя даны были хотя те скромные права, о которых я говорю в моей записке, – нам бы не пришлось переживать тех постыдных ужасов, которые мы переживали в 1905 и 06 годах!» [8, с. 214–217, 230–231].

Подведём итоги. Исторические реалии России начала XX в. подтвердили убеждение Б.Н. Чичерина в необходимости и неотвратимости конституционной трансформации самодержавия. Развитие событий, правда, оказалось более стремительным, чем предполагал «русский патриот» и либерал, и уже революция, а не военное поражение, подобное Крымской катастрофе, продиктовала власти думскую уступку. Загадкой остается то, как оценил бы он первые шаги российского парламентаризма: по мнению автора «России накануне XX столетия», члены представительного собрания должны были бы представлять земства, а не политические партии.

Главному славянофильскому оппоненту Чичерина А.А. Кирееву довелось увидеть и революцию 1905 г., и становление нового государственного строя России. Ни то, ни другое не поколебало его уверенности в том, что предложенная им программа преобразований, будь она принята Николаем II, избавила бы страну от этих испытаний.

Список литературы

1. Чичерин Б.Н. Россия накануне двадцатого столетия // О свободе. Антология мировой либеральной мысли (I половина XX века). М., 2000. С. 503–574.
2. Китаев В.А. Политические взгляды Б.Н. Чичерина в 1890-е гг. и его «Курс государственной науки» // Отечественная история. 2008. № 6. С. 92–101.
3. Китаев В.А. «Вестник Европы»: расставаясь с XIX веком // Актуальные проблемы отечественной истории и современной модернизации России. Нижний Новгород, 2010. С. 18–34.
4. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Москва сороковых годов <фрагмент> // Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. СПб., 2006. С. 189–206.
5. Дневник А.А. Киреева. Ч. 1 (1861–1864) // Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Далее – ОР РГБ). Ф. 126. Оп. 1. Д. 1.
6. Дневник А.А. Киреева. Ч. 7 (1876–1878) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 7.
7. Дневник А.А. Киреева. Ч. 9 (1881–1884) // ОР РГБ. Ф. 126. Оп. 1. Д. 9.
8. Киреев А.А. Россия в начале XX столетия // Киреев А.А. Сочинения в 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 209–231.
9. [Киреев А.А., Самарин Ф.Д.] Может ли земский собор вывести нас из настоящего положения: Переписка А.А. Киреева с Ф.Д. Самариным (Июнь – август 1904 г.) // Киреев А.А. Сочинения в 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 231–261.
10. Переписка А.А. Киреева и Ф.Д. Самарина / Публикация, вступ. статья и комм. И.В. Лукоянова // Нестор. 2003. № 3. СПб., 2005. С. 11–103.
11. Шарапов С.Ф. Переписка А.А. Киреева с Ф.Д. Самариным // Русское дело. 1905. № 26 (25 июня). С. 11–13; № 29 (19 июля). С. 10–11.

B.N. CHICHERIN AND HIS CONSERVATIVE OPPONENTS ON THE EVE OF THE FIRST RUSSIAN REVOLUTION

V.A. Kitaev, M.V. Medovarov

The authors examine the concept of the 19th century history of Russia and the program of the state reconstruction contained in the book “Russia on the eve of the 20th century” by B.N. Chicherin. The reaction of the Slavophil part of the conservative camp on the anti-bureaucratic and constitutionalist trends of this book is exposed. Alternative proposals by A.A. Kireev and F.D. Samarin are analyzed.

Keywords: Chicherin, Kireev, Samarin, liberalism, Slavophilism, conservatism, Russia, late 19th century, early 20th century.